

Научная статья

УДК 930.1

doi: 10.17223/19988613/94/20

«Война» и «мир» в исторической памяти современных россиян сквозь призму междисциплинарного сравнительного анализа: ассоциативный эксперимент via большие данные социальных сетей

Наталья Валерьевна Трубникова¹, Анна Валерьевна Шевчик², Анна Геннадьевна Мананникова³

^{1, 2, 3} Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ troub@mail.ru

² mikheeva_anna13@mail.ru

³ anytamanannikova@gmail.com

Аннотация. Сравняются выводы анализа конструкторов исторической памяти, связанных с семантическими полями «война» и «мир». Данные получены через изучение исторических представлений пользователей «ВКонтакте» на основе массива данных с применением цифровых технологий и в результате проведения свободного ассоциативного эксперимента, направленного на обнаружение отношения человека к исследуемым объектам через их репрезентацию в его лексике и определение эмоциональных и референциальных компонентов слова.

Ключевые слова: историческая память, военно-исторический дискурс, война и мир, социальные сети, большие данные, ассоциативный эксперимент

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке программы развития Томского государственного университета «Приоритет 2030», проект № 2.3.7.22 ОНГ.

Для цитирования: Трубникова Н.В., Шевчик А.В., Мананникова А.Г. «Война» и «мир» в исторической памяти современных россиян сквозь призму междисциплинарного сравнительного анализа: ассоциативный эксперимент via большие данные социальных сетей // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 94. С. 163–171. doi: 10.17223/19988613/94/20

Original article

“War” and “Peace” in the Historical Memory of Modern Russians through the Prism of Interdisciplinary Comparative Analysis: An Associative Experiment via Big Data of Social Networks

Natalia V. Trubnikova¹, Anna V. Shevchik², Anna G. Manannikova³

^{1, 2, 3} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ troub@mail.ru

² mikheeva_anna13@mail.ru

³ anytamanannikova@gmail.com

Abstract. Authors of the article compare the findings of the analysis of semantic constructs of historical memory associated with the semantic fields of the concepts of «war» and «peace».

The data were obtained through the study of historical representations of users of the social network "VKontakte" based on an array of data using digital technologies, as well as as a result of a free associative experiment of the semantic constructs "war" and "peace" aimed at identifying a person's active attitude to the objects under study through their representation in his active vocabulary and determining the emotional and referential components of the word. The associative experiment, in turn, was aimed at discovering the active attitude of a person to the objects under study through the representation of concepts in their active vocabulary and determining the emotional and referential components of the word.

A combination of historiographic (history of memory), psycholinguistic (methodology of associative experiment) and digital (applied intellectual analysis of big data) methods is applied within the framework of an interdisciplinary comparative approach. The authors establish correlations between ideas about basic semantic plots, emotional-evaluative connotations and value constructs of «war» and «peace», which form the basic narratives of the collective memory of participants in historical communities of the social network «VKontakte», in comparison with the practices of the living everyday language of modern Russian society.

The authors come to the conclusion that the technology of free associative experiment allows to significantly supplement the results of big data analysis to identify the structure and event hierarchy of military-historical narratives of thematic

network communities linking different historical eras, by outlining the boundaries of semantic associative fields of concepts significant for the semantic constructs of «war» and «peace» and determining the specifics of their existence in the living language of modern Russian society.

Keywords: historical memory, military-historical discourse, war and peace, social networks, big data, associative experiment

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Tomsk State University development program “Priority 2030”, project No. 2.3.7.22 ONG.

For citation: Trubnikova, N.V., Shevchik, A.V., Manannikova, A.G. (2025) “War” and “Peace” in the Historical Memory of Modern Russians through the Prism of Interdisciplinary Comparative Analysis: An Associative Experiment via Big Data of Social Networks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 94. pp. 163–171. doi: 10.17223/19988613/94/20

В исследованиях коллективной памяти, уже образовавших устойчивый мировой тренд, известный как Memory Studies, особое значение имеет развитие синкретических подходов, объединяющих усилия наук, которые изучают разные грани сознания человека. Представляемое исследование формирует опыт применения методов современной историографии, сетевого анализа больших данных социальных сетей и филологии, чтобы определить ключевой исторический нарратив массового сознания современных пользователей Рунета, связанный с восприятием проблематики «войны и мира».

Репрезентации этой бинарной смысловой связки, выявленные с помощью прикладного интеллектуального анализа больших данных в исторических нарративах сетевых сообществ «ВКонтакте», были подвергнуты содержательной концептуальной интерпретации и уже опубликованы [1].

Однако ресурс развития современной филологии позволяет верифицировать полученные результаты посредством другого типа анализа, характеризующего практики употребления этих понятий и природу живого знания у носителей языка [2, 3], полученных с помощью более традиционных «качественных» методов гуманитарных наук, которые позволяют выявлять смысловые оппозиции сознания, отраженные в языке.

К числу важнейших особенностей мышления человека относится формирование собственной уникальной картины мира на основе системы значений субъективного опыта: представлений о реальности, образах прошлого и будущего [4]. Помимо системы значений по отношению к внешней реальности, картина мира включает также систему эмоционально окрашенных категорий, личностных отношений и ценностных ориентаций. Последние часто выстраиваются на основе дихотомического структурирования мира через формирование бинарных оппозиций лингвокультурных концептов. Однако нужно отметить, что интересующие нас концепты «война» и «мир» не составляют типичной дихотомической пары, так как «мир» не только является противоположностью состояния войны или ситуацией ее отсутствия, но и представляет собой более сложный и многогранный феномен, часть семантики которого не связана с идеей войны.

Язык является основой системы значений картины мира, отражая наряду с индивидуальными характеристиками человека «общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ

жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей» [5. С. 17]. Исходя из этого, был проведен эксперимент, выявляющий ассоциативное поле понятий «война» и «мир», целью которого была верификация результатов проведенного ранее анализа больших данных сетевых сообществ. Выявленные исторические нарративы, связанные с семантикой «войны и мира», должны были получить уточнение смыслового поля конструкций через определение практики их использования в живой речи.

В основе ассоциативного эксперимента, нацеленного на выявление базовых конструктов «войны и мира» в репрезентациях прошлого, лежали подходы истории памяти, лингвокультурологии и психолингвистики.

Подход истории памяти включает рассмотрение конструирования образов прошлого через медиа и социальное бытование памяти. При этом для процессов развития исторической науки и обыденной исторической памяти характерны асинхронность и относительная автономность, память нередко позиционируется как «истинная» форма сохранения прошлого на фоне ангажированной властью академической истории [6, 7].

Лингвокультурология позволяет рассматривать язык с точки зрения ценностно-смыслового содержания, выявлять «тонкие» особенности внутреннего мира человека через мыслительные, культурные и психические характеристики представителей разных этносов [8]. Слово в данном случае рассматривается как погруженное в комплекс представлений, знаний и ассоциаций, присущих обществу его употребления.

Использованный в исследовании термин «смысловой конструкт» берет исток в теории личностных конструктов Дж. Келли и понимается как формирование классификационно-оценочного эталона на основе обобщения предшествующего личного опыта, используемое для ценностного освоения реальности и прогнозирования дальнейших событий [9]. Важно отметить, что для подобного конструкта характерна присущая всем структуралистским подходам дихотомичность, позволяющая типологизировать личный опыт субъекта через элементы подобия (эмерджентно) и различия (имплицитно). Определение ценностных ориентаций выбранных смысловых конструктов в момент включенности их в коммуникативную ситуацию также соответствует нарративному подходу в видении Х. Уайта [10], сделавшего акцент на формировании эмоциональных коннотаций элементов нарративов о прошлом [11].

В рамках данного исследования был проведен свободный ассоциативный эксперимент, имевший устно-письменную форму, позволяющую сократить перекрестные реакции на слова, стоящие рядом в списке стимулов. Состав стимульного материала изначально определялся с учетом результатов исследования представлений об исторических нарративах, связанных с проблематикой войны и мира, в коллективной памяти пользователей социальной сети «ВКонтакте», выявленных на основе технологии интеллектуального анализа больших данных [1]. Предложенный набор слов включал в себя выявленные смысловые элементы памяти о событийной иерархии военного нарратива, эмоциональных коннотаций конкретно-исторических событий, наполняющих военные повествования, ценностно-смысловых конструктов «война» и «мир».

Суть эксперимента заключается в фиксации первых реакций на слово-стимул, формирующих ассоциативное поле, характеризующее организацию представлений о мире в языковом сознании человека. Анализ результатов эксперимента позволяет сформировать представление о структурно-содержательных особенностях фрагмента сознания [12], рассмотреть организацию и функционирование памяти, хронологические изменения сознания индивида. Получаемые в ходе эксперимента ассоциаты носят автоматический характер, что позволяет выявить устойчивые связи в сознании человека.

Описание ядерных ассоциаций семантических полей «война» и «мир» произведено по методике В.А. Пищальниковой [13], указывающей на преимущества ассоциативного эксперимента в обнаружении деятельностного отношения индивида через репрезентацию в его активной лексике и определении эмоциональных и референциальных компонент слова.

Стимульный материал включал 6 групп:

А. Слова, соотносимые с результатами интеллектуального анализа текстов социальной сети «ВКонтакте»: война, войско, работа, победа, революция, иго, мир, грех, пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие.

Б. Понятия, соотносимые с дефинициями лексем «война» и «мир» в толковых словарях русского языка: борьба, конфликт, вселенная, планета, общество, покой, соглашение, договор.

В. Существительные, представляющие частотные реакции на лексемы «война» и «мир» в ассоциативных словарях А.А. Леонтьева [14] и Ю.Н. Караулова [15], Русской региональной ассоциативной базе данных (Сибирь и Дальний Восток) [16]: смерть, кровь, ужас, (планета).

Г. Понятие, обусловленное современным медиаконтекстом: операция.

Д. Дистракторы – лексемы из иных тематических групп, включаемые для минимизации тематической направленности стимульного материала (дистракторы исключаются из анализа результатов эксперимента).

Е. Ключевые номинации тематических блоков военной истории России в дискурсе тематических сообщений «ВКонтакте» 2021–2023 гг.: Октябрьская революция, Первая мировая война, Гражданская война

в России, Отечественная война 1812 года, Куликовская битва, Невская битва, Великая Отечественная война, афганская война, чеченская война, холодная война.

В эксперименте приняли участие 48 респондентов в возрасте от 21 до 54 лет: молодежь – студенты и недавние выпускники вузов в возрасте 18–24 лет (22 человека); старшее поколение разных возрастов: а) 25–35 лет (10 человек); б) 36–50 лет (13 человек); в) 51–65 лет (1 человек); 2 респондента не оставили информацию о возрасте. Все респонденты имеют высшее образование по направлениям, исключая историю, филологию и лингвистику, и различаются родом занятий: специалисты в сфере экономики и финансов, бизнеса и маркетинга, программисты, инженеры, аналитики, преподаватели, дизайнеры, специалисты по СММ. Родной язык респондентов – русский.

Анализ смыслового конструкта «война» в сетевых исторических нарративах показал предсказуемо негативные эмоциональные коннотации с этим понятием с незначительными позитивными нотами, относящимися к семантике героизма, победы и военных успехов. Милитаристский дискурс больших нарративов Рунета, как было выявлено в исследовании массива данных, насыщен фактологическим материалом и прагматическим описанием тягостных сторон военного времени. Война неизменно ассоциируется у пользователей «ВКонтакте» со злом, грязью, смертью, конфликтами.

Реакции, полученные на стимул «война» в ходе ассоциативного эксперимента, также показывают ярко негативный эмоциональный окрас конструкта в языковом сознании участников: частотны выделяются эмоционально окрашенные ассоциаты *смерть* (8 реакций), *слезы*, *страх*, *ужас*, *кровь*, *разрушение* (по 2 реакции).

Однако *смерть*, *кровь*, *ужас*, представляющие собой частотные реакции на лексему «война» и в ассоциативных словарях русского языка, при обратном ассоциативном посыле в виде стимулов в настоящее время не вызывают частотных реакций, связанных с семантическим полем «война» (*смерть* – 1 реакция; *кровь* – 2 реакции; *ужас* – 3 реакции) и практически не влияют на состав ассоциативного поля «война», выстраивая связи с иными семантическими областями – «похоронный обряд», «медицина», «киноиндустрия».

Реакции на стимульный материал, соотносимый с дефинициями лексем «война» и «мир» в толковых словарях русского языка (*борьба*, *конфликт*) незначительно дополняют ассоциативное поле «война», поскольку респонденты не устанавливают их семантическую соотношенность. Напротив, результаты эксперимента показывают, что гиперонимы – понятия *борьба*, *конфликт* – в сознании современных носителей русского языка в большей степени ассоциируются не с тематикой войны, а со сферами спорта и межличностных бытовых и производственных отношений.

Обусловленный медиаконтекстом стимул *операция* также вызывает реакции из медицинской сферы и сферы кино и не вызывает частотных реакций, связанных с семантикой «войны»; только один респондент оставил синтагматическую реакцию «специальная», возможно, как часть лексико-грамматической конструкции «специальная военная операция».

Реакция на стимулы, выявленные в ходе анализа текстов исторических сообществ социальной сети «ВКонтакте» и тесно связанные с семантикой «войны», *войско, работа, победа, революция, иго* показали относительно невысокую эмоциональную и семантическую связь со смысловым конструктором «война».

Так, стимул *работа* не вызвал ни одной реакции, пересекающейся с ассоциативным полем «война», в том числе по эмоциональному окрасу. Стимулы *войско, победа, революция, иго* вызывают реакции, связанные с событиями мировой и отечественной военной истории и историческими нарративами, т.е. находят опору в фактологическом материале, вероятно, приобретенном в ходе обучения, о чем говорит и эмоционально нейтральная окраска ассоциатов. Важно отметить, что на фоне общего ряда стимулов ярко выделяется *победа*, ассоциаты которого имеют яркую положительную эмоциональную окраску и непрямо (*война* – 2 реакции), но устойчиво связаны с семантикой концепта «войны», в первую очередь отражающего символический конструктор Великой Отечественной войны. Это поддерживает вывод исследования массива данных о «вездесущности» Великой Отечественной войны как ключевого для пользователя Рунета события российской истории, отражающего «предельный» опыт нации на «все времена».

В частности, стимул *войско*, представляющий собой устаревающую лексическую единицу русского языка, наиболее часто вызывает реакцию-синоним, более употребительную в настоящее время, – *армия*. Большая часть реакций – одиночные и связаны с представлениями об устройстве и функционировании войска: *солдаты, конница, отряды, рота, полководец, построение, марш, снаряженные люди, слитность* и др. Среди реакций встречаются отсылки к эпизодам древней и средневековой истории: *монголы, крестоносцы, Анубис, Речь Посполитая, Спарта*. Ассоциативных связей с современностью и отечественной историей XX–XXI вв. не выявлено, что может объясняться особенностями употребления слова-стимула в современном русском языке как присущего именно историческому нарративу. Четыре реакции включают лексему *война*, только две реакции *смерть* отражают негативное, эмоционально-окрашенное представление, одна реакция *контракт*, возможно, связана с событиями современности (прохождением военной службы по контракту).

Ассоциативные реакции на стимулы *революция* и *иго* наиболее связаны с событиями отечественной истории – Октябрьской революцией (16 реакций разного типа) и зависимостью русских княжеств от Монгольской империи и Золотой Орды (32 реакции разного типа), эмоционально-оценочные реакции единичны и носят негативный характер, прямых связей с семантикой войны ассоциативный контекст не имеет.

Доминирующие реакции на стимул *победа* – позитивные эмоционально-оценочные: *ура!, радость, празднование, торжество, праздник, слава, счастье* (всего 25 реакций), 6 реакций снова отсылают к нарративу /о Великой Отечественной войне: *май, 9 мая, 1945 г. = Парад на Кр. Площади, Берлин*. Ассоциаций с иными

историческими событиями, победами в других войнах, событиями современности не зафиксировано.

Полученные в ходе ассоциативного эксперимента реакции на стимул «война» обнаруживают корреляции с материалами Русской региональной ассоциативной базы данных (эксперименты 2008–2021 гг.) [16] и дополняют представления об изменении ядра ассоциативного поля, выявляющиеся при сопоставлении со словарными статьями Русского ассоциативного словаря [15] и Словаря ассоциативных норм русского языка [14].

В результате эксперимента выявлено ядро ассоциативного поля «война» – реакции *смерть, мир, и мир, кровь, страх, ужас, слезы, разрушение, зло, горе, боль, оружие, убийство, плохо, жестокая, мировая, Отечественная*. Важно отметить, что ядерные ассоциации обладают резко негативным эмоционально-оценочным фоном. Также в семантическом поле «война» неизменно присутствуют и доминируют среди других конкретно-исторических отсылок ассоциации с Великой Отечественной войной (1 реакция в ходе нашего эксперимента при отсутствии иных, 12 реакций в СИБАС против 12 реакций, связанных со всеми иными военными конфликтами).

Относительно ассоциативного поля смыслового конструктора «война» можно сделать вывод, что незначительное количество обратных реакций на стимулы-гиперонимы *борьба, конфликт* в ходе проведенного эксперимента говорит о незначительных связях между понятиями в живом языке современного русского общества, несмотря на их семантическую близость в рамках письменной речи, характерной для сетевых сообществ исторической тематики. Операциональные реакции *мир, и мир, мировая, Отечественная*, напротив, обнаруживают устойчивые шаблонные синтагматические реакции, среди которых ассоциация «Отечественная», вероятно, связана с конкретным историческим событием Великой Отечественной войны (и совсем не связана с 1812 годом), что вновь подтверждает выводы Н.В. Трубниковой, И.Е. Роговской, А.Ю. Саркисовой по результатам анализа коллекции текстов социальной сети «ВКонтакте» о том, что «память о Великой Отечественной войне является неоспоримой доминантой военного нарратива в истории России», Великая Отечественная война, «оставаясь «главной» войной нашего прошлого, формирует в массовом сознании критерии и рамки восприятия всех других войн прошлого» [17. С. 316]. Результаты ассоциативного эксперимента позволяют утверждать, что значение памяти о Великой Отечественной войне в коллективном сознании носителей русского языка столь велико, что она входит в ядро ассоциативного поля, и ассоциативное значение слова «война» становится частью самой смысловой структуры.

Важно также отметить, что реакции-представления *смерть, кровь, слезы, разрушение, оружие, убийство* и эмоционально-оценочные реакции *страх, ужас, зло, горе, боль, плохо, жестокая* обнаруживают значительное тяготение к типу эмоционально-оценочных благодаря негативному коннотативному компоненту лексических значений и указывают на преобладающую негативную окраску ассоциативного поля конструктора «война».

Состав ассоциативного поля «мир» по данным эксперимента показал устойчивые связи со смысловым конструктом «война» (6 реакций), однако общее поле ассоциации характеризуется неоднородностью, включая ассоциаты *земля, дружба, труд, планета, согласие*. Это показывает, что «мир» в сознании современных носителей русского языка в большей степени ассоциируются не только с тематикой войны, но с космической и всечеловеческой сферой – ассоциаты *планета, солнце, вся земля, глобус*, а также межличностными отношениями – *дружба, счастье, любовь, принятие, люди, союзники*. Важно отметить, что ассоциативное поле «мир» обладает здесь позитивными эмоциональными коннотациями.

Результаты анализа нарративов исторических сообществ в «ВКонтакте» также показали многогранность текстуальных контекстов использования этого ценностно-смыслового конструкта, в том числе в мультимедийном дискурсе. Однако в ассоциативном эксперименте заметен больший акцент на «мир» как вселенную и совершенно отсутствует проявленный в ходе анализа больших текстовых данных религиозный контекст [17. С. 316]. Выявленные в ходе анализа фактологические отсылки к событиям XX и XXI вв. также практически отсутствуют в ассоциативном поле.

Так, реакции на стимульный материал, соотносимый с дефинициями лексемы «мир» в толковых словарях русского языка (*вселенная, планета, общество, покой, соглашение, договор*), свидетельствуют о размытости понятийного ядра ассоциативного поля «мир» вне его соотнесенности с семантикой войны.

Если «война» и «мир» устанавливают стабильные перекрестные ассоциации, то среди реакций на стимулы, соотносимые с денотативной семантикой многозначного слова «мир», не встречается частотной обратной реакции *мир* (на стимул *общество* – отсутствует; на стимул *покой* – и *мир* 1 реакция, однокоренное *умиротворение* с более определенной семантикой состояния – 4 реакции; на стимул *соглашение* – отсутствует; на стимул *договор* – *мирный* 3 реакции, *перемирие* 1 реакция; на стимул *планета* – отсутствует; на стимул *вселенная* – *мир, мир* = *Земля, Мироздание*).

Анализ реакций на стимульный материал, соотносимый с результатами анализа текстов исторических сообществ «ВКонтакте», позволяет говорить о специфике функционирования выявленных ключевых слов и концептов *пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие* [1] в военных дискурсах сетевых сообществ, где они имеют отрицательно-оценочные коннотации, поскольку «ни окруженный негативными коннотациями компромисс, ни относительно нейтральные «уступки» не способствуют, в представлении россиян, наступлению мира», «гуманность, как и пацифизм, также рассматривается в основном с позиции деконструкции или опровержения ее основного смысла, авторы и комментаторы публикаций, как правило, не верят в искренность ее проявлений», «чаще всего “милосердие” звучит все же как анахронизм: не ценностно-ориентированное понятие в комментариях наших современников, а «фигура речи» в цитатах из речей прошлого, призывающих не верить лицемерию врагов» [1. С. 356].

Ассоциативный эксперимент позволяет установить семантические связи стимула *пацифизм* с ассоциативными полями «война» и «мир» (16 реакций) и проявляет, скорее, положительный эмоционально-оценочный компонент ассоциативных реакций в сознании носителей русского языка вне военного нарратива. При этом своеобразным подтверждением мысли о чуждости данного понятия российской культуре [1] является довольно частотная реакция *пофигизм*, возникающая, возможно, как операциональная благодаря рифмовке и повтору словообразовательной модели, но и отражающая неоднозначность положительно-оценочного компонента ассоциативного значения: недоверие общества к подведению идеологической основы под абсолютную ценность мира и ощущение неискренности и искусственности ненасильственной позиции, иногда скрывающей равнодушие. Дополнительными признаками чуждости понятия для современного российского общества служат ассоциат *хиппи*, напрямую отсылающий к западной культуре, и указания на неопределенность концепта: *не знаю такого слова, не знаю это что, путаю*. Важно также отметить, что эмоциональная окраска понятия неоднозначна и включает как позитивно окрашенные ассоциаты, так и негативные коннотации.

Ассоциативные реакции на стимулы *компромисс* и *уступки* обнаруживают устойчивые взаимные связи данных лексем в сознании носителей русского языка и неоднозначную оценочность, присутствующую в положительном варианте в семантике реакций *круто, правильно, одобрение, дружелюбие, выход, золотая середина, жертвенность, добро, любовь, щедрость, согласие*, и в негативном варианте в семантике реакций *неудовлетворенность, смерть, проклятый, не круто, не нужны, сдался = поддался, отступить, сдать, подачки*. Это соотносится с результатами анализа больших данных, который также показал, что в военном дискурсе *компромисс* и *уступки* чаще всего включают в себя негативную оценку и определяются как недопустимый способ решения конфликтов.

Понятия *гуманность* и *милосердие* в отличие от использования в нарративах исторических сообществ «ВКонтакте» вызывают понятийные ассоциации *доброта, добро, человечность, сострадание, справедливость, помощь, жертвенность, благотворительность* и в подавляющем большинстве случаев положительно-оценочные эмоциональные реакции и реакции-представления. Связи реакций с ассоциативными полями «война» и «мир» не прослеживаются, так же как и для стимула *грех*, закономерно связанного в общественном сознании в основном с религиозной сферой.

Полученные в ходе ассоциативного эксперимента реакции на стимул «мир» обнаруживают корреляции с данными Русской региональной ассоциативной базы данных (эксперименты 2008–2021 гг.) [14] и Русского ассоциативного словаря (эксперименты 1986–1996 гг.) [15]. Одной из самых частотных реакций остается *война*, следующей по частоте идут ассоциаты связанные с пониманием мира как вселенной и отсылающие к специфике межличностных отношений.

Центральным элементом ядра ассоциативного поля «мир» является понятийная реакция *война* (по данным

проведенного эксперимента и Русской региональной ассоциативной базы данных), проявляющая стойкое представление о мире как состоянии, противопоставленном войне. Иные понятийные реакции *земля, вселенная, большой, планета* соотносятся со значениями лексемы-омонима «мир», понимаемой как совокупность материи в пространстве Земли и космоса, Вселенная.

Часть реакций на стимул «мир», вероятно, обусловлена прецедентными текстами, связанными с праздником весны и труда: реакции-представления *труд, голубь* тяготеют к операциональным *труд-май, во всем мире*.

Эмоционально-оценочные коннотации семантического конструкта можно оценить как положительные, о чем говорят частотные ассоциаты *дружба, счастье, добро, любовь*. Более того, анализ реакций на стимульный материал, соотносимый со смысловым конструктом «мир» по результатам анализа текстов социальной сети «ВКонтакте» (*пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие*), позволяет сделать вывод об отсутствии выраженных негативно-оценочных коннотаций в ассоциативном значении данных лексем; приобретение таковых в рамках военно-исторического нарратива, вероятно, обусловлено общей тематической направленностью текстов о «худом мире», «позорном мире», «унизительном мире», тесно связанном на эмоциональном уровне с семантикой войны [1. С. 352].

Результаты анализа ключевых номинаций событийных блоков военной истории России, выявленных в дискурсе тематических сообществ «ВКонтакте» 2021–2023 гг., свидетельствуют о том, что исторические нарративы военно-центрических сообществ придерживаются сдержанного, фактологического языка описания и избегают эмоциональной экспрессии [1].

Ассоциации на стимулы, именующие события военной истории, в подавляющем большинстве случаев представляют собой реакции-представления – фактологические минимальные фрагменты военно-исторического нарратива, отсылающие, скорее, к текстам школьных учебников и педагогическому дискурсу; нередко встречается и ошибочная привязка фактов (дат, топосов, действующих субъектов и сил) к тому или иному событию.

Среди реакций на стимул *Октябрьская революция* выделяются ассоциации, связанные с фигурой *В.И. Ленина* (7 реакций), *большевиками, осенью и октябрем*, а реакция *1917*, в отличие от результатов ранее проведенного анализа больших данных, который показал, что этот маркер более востребован, чем *октябрьская революция*, не является частотной (3 упоминания). Отличие результатов ассоциативного эксперимента от анализа нарративов видится и в характере эмоционального окраса изучаемого конструкта: если пользователи «ВКонтакте» в военно-историческом дискурсе не окружают *Октябрьскую революцию* эмоциональным ореолом, то ассоциаты явно указывают на негативный окрас понятия: *смерть, кровь, изменения, усталость, холодно, жесть*.

Среди общего ряда стимулов выделяется *Гражданская война в России*, ассоциации которого также несколько смещены от фактуальных диспозиций (сре-

ди которых в ядре *красные и белые*) к эмоционально-оценочному типу (*смерть, плохо, искалечены, страшное событие, кровь, кровопролитие* – всего 13 реакций), что соответствует бытованию концепта в части исторических нарративов «ВКонтакте», где смысловое ядро сообщений о Гражданской войне составляют эмоционально нагруженные сообщения, передающие сожаление и драматизм образа братоубийственной войны [1. С. 346].

Среди реакций на стимул *Первая мировая война* доминирует фактологический материал: упоминание различных стран-участниц конфликта, акцент на территории как театр и цель военных действий. Идея «несправедливости» войны, явно заметная в историческом дискурсе сетевых сообществ, в ассоциативном поле не проявляется, а ощущение «неправильности», напротив, отчетливо видно в реакциях *глупость, бредни сумасшедшего, то, что большое, но будто забытое*. Ассоциаты *Первой мировой войны* несут негативные коннотации: *смерть, плохо, ненависть, убийство, страх, жестокая, жестокость = фашизм, ужас = поломанные*. Как видим, «неправильность» дискурса о Первой мировой войне видна и в общем непонимании этого события, о чем говорят ложные фактологические ассоциации: неверные даты, персоналии, связь с фашизмом.

Стимул *Отечественная война 1812 года* резко выделяется наличием высокочастотной реакции *Наполеон*, а также включающих эту лексему иных фактологических представлений и положительно-оценочными элементами *подвиг, великая победа* (всего 16 реакций, треть от общего числа). Анализ больших данных показал, что в текстах социальной сети «ВКонтакте» «победа над гением Наполеона – предмет национальной гордости россиян, а сам Наполеон – это наш наиболее уважаемый враг» [17. С. 311], значимость фигуры Наполеона проявлена и в результатах ассоциативного эксперимента; к этому стоит добавить малое количество эмоционально-оценочных реакций и подтверждение «музейного» характера памяти о Наполеоновских войнах вне связи с современным общественным сознанием в таких реакциях, как *камзолы, ампир, детство, из стихов по литературе*.

Стимулы-названия отдаленных событий военной истории в рамках кластера сюжетов о золотоордынском владычестве *Куликовская битва, Невская битва* почти не вызвали эмоционально-оценочных реакций респондентов, при этом в отношении *Куликовской битвы* реакции-представления фактологического характера (топосы, субъекты, действующие силы) значительно дополняются понятийными реакциями (*сражение, поход, битва* – всего 7 реакций). *Невская битва*, в ассоциативных реакциях респондентов слившаяся с Ледовым побоищем, частотно ассоциируется с фигурой *Александра Невского*, центральным образом борьбы с захватчиками в исторических нарративах сетевых сообществ, и топосом реки *Невы* (9 и 13 реакций соответственно), и только в отношении данного стимула получено значительное количество реакций – визуальных образов: *провал рыцарей под лед, портрет Невского в шинели с мечом, князь на коне, рыцари на льду*,

тяжесть под лед, отсылающих к педагогическому нарративу, картинкам из учебника истории и особенно к эталонному образу Александра Невского, созданному С.М. Эйзенштейном в одноименном фильме и довлеющему в культурной памяти нации.

Реакции на стимульный материал, называющий события второй половины XX в., *афганская война, чеченская война, холодная война* отличаются большей долей эмоционально-оценочных ассоциаций, вызванных, видимо, небольшой хронологической удаленностью событий и драматической связью с пространством текущей социальной жизни: *ошибка политиков, соц. разруха в обществе после, агрессия = жестокость, жестокость, боль, ужас, травма, страх, слезы, беда, бессмысленность, бессилие, погибли зря, резня, терроризм, безразличие, обман, гнев, мрак*; наличием реакций, связанных с личным опытом респондентов: *папа, отец = ожидание, ветераны, Валера со стройки (воевал там), сосед, папа, Вовка, ПТСР, война где-то, почему не рассказывали в школе?* Тем не менее общий фактологический характер ассоциаций (указание на топы войны) и преобладание реакций-представлений характерен и для данных стимулов.

Ассоциативные реакции на стимул *Великая Отечественная война* свидетельствуют о сложившемся в сознании русскоязычных респондентов определяющем и глубоко символическом значении этого события, память о котором ритуализована и имеет осязаемые формы, что ясно коррелирует с выводами анализа нарративов сетевых исторических сообществ. Самая частотная реакция *1941–1945*, вероятно, возникает как визуальное представление, образ на стенах и обелисках. Для сравнения: стимул *чеченская война*, вызвавший реакции в связи с личным опытом и более близкий респондентам во временной ретроспективе, не дал ни одной ассоциации-даты. Можно предположить, что это говорит о постепенном отдалении события из области живой памяти в область коммеморации, вызывающей стойкие ассоциации с регламентированными обществом проявлениями поминовения Великой Отечественной войны, празднования дня Победы, и постепенной утратой личной привязанности к событию. При этом частотные реакции, актуализирующие семантику памяти: *недавнее прошлое; знать и помнить; несправедливо забыть, и ведь так близко; дедушка; горе бесконечное на много поколений*, а также ритуализацию этой памяти с акцентом на победу: *9 мая, 9 мая = дед, георгиевская лента, Бессмертный полк, спасибо-ДЕДУ-за Победу, подвиг народа = победа = 9 мая, письма, звезда, песня «Вставай, страна народная»*. Семантика победы по частотности реакций уравнивается с семантикой *смерти, страха, голода, потеря* (9 и 10 реакций соответственно), что обуславливает противоречивые и сложные эмоционально-оценочные коннотации.

Важно отметить, что представление о Великой Отечественной войне как «главной» войне в памяти русскоязычных людей входит в ядро ассоциативного поля «война» и структурирует его, представляя собой некий недостижимый эталон опыта нации, символ войны вообще, войны с «победным концом». При этом

в ядре совокупности ассоциативных реакций на стимул «Великая Отечественная война» семантика войны (оценочные реакции *смерть, кровь, слезы, страх, ужас, зло*) не доминирует, уступая место представлениям, порожденным ритуализацией памяти вкупе с семантикой победы.

Анализ результатов свободного ассоциативного эксперимента показал корреляции с результатами исследования представлений о военных конфликтах в коллективной памяти пользователей социальной сети «ВКонтакте» посредством применения технологии интеллектуального анализа больших данных [1, 17] в области семантических элементов памяти о войнах, базовых смысловых сюжетов, эмоционально-оценочных коннотаций, ценностных конструкторов «война» и «мир».

Важно отметить, что наибольшая семантическая связанность с концептами «войны» и «мира» характерна именно для первой группы стимулов, соотносимых с результатами интеллектуального анализа текстов социальной сети «ВКонтакте»: *война, войско, работа, победа, революция, изго, мир, грех, пацифизм, компромисс, уступки, гуманность, милосердие*.

Среди результатов ассоциативного эксперимента важным является подтверждение прочных понятийных связей смысловых конструкторов «война» и «мир». Относительно ассоциативного поля смыслового конструктора «война» можно сделать вывод, что для него характерны общая негативная эмоциональная окраска, непрочные семантические связи с понятиями, соотносимыми с дефиницией лексемы «война» в толковых словарях русского языка, и явная семантическая связь с Великой Отечественной войной, которая становится частью его смысловой структуры. При этом содержание ассоциативного поля «мир», хотя и включает определение мира как состояния не войны в ситуациях военного дискурса, в общем характеризуется как более абстрактное и неопределенное, хотя и положительное по эмоционально-оценочным коннотациям.

Результаты анализа ключевых номинаций тематических блоков военной истории России также в целом коррелируют с выводами анализа больших данных, показавшими сдержанный, фактологический, по большей части эмоционально нейтральный характер.

Таким образом, технология свободного ассоциативного эксперимента позволяет существенно дополнить результаты анализа больших данных по выявлению объективной структуры и событийной иерархии военно-исторического нарратива тематических сетевых сообществ, связывающих различные исторические эпохи, через очерчивание границ семантических ассоциативных полей значимых для смысловых конструкторов «война» и «мир» понятий и определение специфики их бытования в живом языке современного российского общества. Следовательно, можно сделать вывод о высоком эвристическом потенциале сочетания историографических (история памяти), психолингвистических (методика ассоциативного эксперимента) и цифровых (интеллектуальный анализ больших данных) методов при изучении базовых конструкторов исторического сознания и коллективной памяти.

Список источников

1. Трубникова Н.В., Саркисова А.Ю., Рогова И.Е. Исторические нарративы национальной идентичности в оптике больших данных Рунета: смысловые конструкты «война» и «мир» // Русин. 2023. № 74. С. 339–363. doi: 10.17223/18572685/74/17
2. Залевская А.А. Значение слова в зеркале психолингвистического портретирования // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2010. № 5. Вып. 3: Лингвистика и межкультурная коммуникация. С. 175–193.
3. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. М. : Гнозис, 2005. 542 с.
4. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. СПб. : Питер, 2005. 480 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. 352 с.
6. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 03.08.2024).
7. Kansteiner W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // History and Theory. 2002. Vol. 41 (2). P. 179–197.
8. Воробьев В.В. Лингвокультурологическая парадигма личности. М. : Изд-во РУДН, 1996. 170 с.
9. Келли Дж.А. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб. : Речь, 2000. 249 с.
10. White H. The Value of Narrativity in the Representation of Reality // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7 (1). P. 5–27.
11. Миллер А.И., Малинова О.Ю., Ефременко Д.В. Политика памяти и историческая наука // Российская история. 2018. № 5. С. 128–140.
12. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. Тверь : Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
13. Пищальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761.
14. Леонтьев А.А., Клименко А.П., Супрун А.Е. и др. Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. 192 с.
15. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В. и др. Русский ассоциативный словарь : в 2 т. М. : АСТ : Астрель, 2002.
16. СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток) – 2008–2023 гг. URL: <http://adictru.nsu.ru/about>
17. Трубникова Н.В., Рогова И.Е., Саркисова А.Ю. Память о военных конфликтах России в сетевом дискурсе «ВКонтакте»: структура и событийная иерархия // Русин. 2023. № 73. С. 298–319. doi: 10.17223/18572685/73/19

References

1. Trubnikova, N.V., Sarkisova, A.Yu. & Rogava, I.E. (2023) Historical narratives of national identity in the optics of RuNet big data: semantic constructs “war” and “peace”. *Rusin*. 74. pp. 339–363. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/74/17
2. Zalevskaya, A.A. (2010) Znachenie slova v zerkale psikholingvisticheskogo portretirovaniya [The meaning of the word in the mirror of psycholinguistic portraiture]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya*. 5(3). pp. 175–193.
3. Zalevskaya, A.A. (2005) *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst* [Psycholinguistic Studies. Word. Text]. Moscow: Gnozis.
4. Petrenko, V.F. (2005) *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of Psychosemantics]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
5. Ter-Minasova, S.G. (2008) *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow: Moscow State University.
6. Nora, P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamyati [Worldwide Celebration of Memory]. *Neprikosnovenny zapas*. 2–3. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Accessed: 3rd August 2024).
7. Kansteiner, W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*. 41(2). pp. 179–197.
8. Vorobiev, V.V. (1996) *Lingvokulturologicheskaya paradigma lichnosti* [The linguistic and cultural paradigm of personality]. Moscow: RUDN.
9. Kelly, J.A. (2000) *Teoriya lichnosti. Psikhologiya lichnostnykh konstruktov* [Personality Theory. Psychology of Personality Constructs]. S. Petersburg: Rech'.
10. White, H. (1980) The Value of Narrativity in the Representation of Reality. *Critical Inquiry*. 7(1). pp. 5–27.
11. Miller, A.I., Malinova, O.Yu. & Efremenko, D.V. (2018) Politika pamyati i istoricheskaya nauka [The politics of memory and historical science]. *Rossiyskaya istoriya*. 5. pp. 128–140.
12. Zalevskaya, A.A. (2011) *Znachenie slova cherez prizmu eksperimeta* [The politics of memory and historical science]. Tver: Tver State University.
13. Pishchalnikova, V.A. (2019) Interpretatsiya assotsiativnykh dannyykh kak problema metodologii psikholingvistiki [Interpretation of associative data as a problem of psycholinguistic methodology]. *Russian Journal of Linguistics*. 23(3). pp. 749–761.
14. Leontiev, A.A., Klimentko, A.P., Suprun, A.E. et al. (1977) *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow: Moscow State University.
15. Karaulov, Yu.N., Cherkasova, G.A., Ufimtseva, N.V. et al. (2002) *Russkiy assotsiativnyy slovar': v 2 t.* [Russian Associative Dictionary: in 2 volumes]. Moscow: AST: Astrel'.
16. SIBYAS – Russian regional associative database (Siberia and the Far East) – 2008–2023. [Online] Available from: <http://adictru.nsu.ru/about>
17. Trubnikova, N.V., Rogava, I.E. & Sarkisova, A.Yu. (2023) Memory of military conflicts in Russia in the online discourse “VKontakte”: structure and event hierarchy. *Rusin*. 73. pp. 298–319. DOI: 10.17223/18572685/73/19

Сведения об авторах:

Трубникова Наталья Валерьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: troub@mail.ru

Шевчик Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mikheeva_anna13@mail.ru

Мананникова Анна Геннадьевна – магистрант факультета исторических и политических наук Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: anutamannikova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Trubnikova Natalia V. – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of the Ancient World, Middle Ages and Methodology of History, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troub@mail.ru

Shevchik Anna V. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mikheeva_anna13@mail.ru

Manannikova Anna G. – Master's Student of the Faculty of Historical and Political Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: anytamanannikova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.11.2024; принята к публикации 01.04.2025

The article was submitted 29.11.2024; accepted for publication 01.04.2025